

ласти. 2-ая половина 18-го столетия. Рисунок с натуры» (оригинал хранится в фондах Государственного исторического музея). В этих данных можно проследить отсылку к материалам 28 выпуска ИАК, но на самом рисунке изображена Георгиевская церковь.

В 1980-х годах во время экспедиций института Спецпроектреставрация (г. Москва) в целях создания вологодского музея деревянного зодчества фиксировались все выявленные деревянные памятники. Георгиевская Поцкая церковь была обнаружена, а Ильинская 1818 года постройки – включена в список утраченных. Факт существования деревянной Ильинской церкви на тот период сложно было игнорировать, хотя он вызывал большие вопросы. Даже ее тип ставился под вопрос («шатровая (?)»), не прилагалось схематического изображения [Музей деревянного зодчества № 2997. 1983: 94].

Таким образом, изначальная ошибка в протоколе создала реальный историографический факт. Деревянная Ильинская Поцкая церковь после 1818 года не существовала как реальный памятник, но при этом возникла в начале XX века как документальный факт.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Правилова Е.* Империя в поисках общественного блага. Собственность в дореволюционной России. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 560 с.
2. *Гретько И. Э.* История русского искусства. Т. 1. Архитектура. М.: Издание И. Кнебель, 1910. 507 с.
3. Отчет Императорской археологической комиссии за 1904 год. СПб.: Типография главного управления уделов, 1907.
4. Отчет Императорской археологической комиссии за 1902 год. СПб.: Типография главного управления уделов, 1904.
5. Известия императорской археологической комиссии. Вып. 28. СПб.: Типография главного управления уделов, 1908.
6. Известия императорской археологической комиссии. Вып. 31. СПб.: Типография главного управления уделов, 1909.
7. Известия императорской археологической комиссии. Вып. 61. Петроград: Типография главного управления уделов, 1916.
8. Список деревянных храмов, ныне существующих в пределах Вологодской епархии // Вологодские епархиальные ведомости. 1902. № 22. С. 669–674.

Шалева Виктория Владимировна,
кандидат педагогических наук,
заведующая отделом музейной педагогики
МУК «Котласский краеведческий музей»,
г. Котлас, Архангельская область

ТОТЬМА 1909–1913 гг. В «АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ЗАПИСКАХ» НИКОЛАЯ ЛЬВОВИЧА ТЮКАВИНА

Одним из интереснейших источников личного происхождения в Котласском краеведческом музее являются «Автобиографические записки» [1] Николая Львовича Тюкавина, ставшего свидетелем и участником переломных событий в истории нашей страны, таких как Первая мировая война, революция 1917 года, Великая Отечественная война. Н.Л. Тюкавин был учителем Наркома речного флота СССР Зосимы Алексеевича Шашкова, делился этнографическими материалами с основателем и художественным руководителем Государственного академического Северного русского народного хора Антониной Яковлевной Колотиловой, общался с полярником Иваном Дмитриевичем Папаниным.

Николай Львович Тюкавин родился 14/26 ноября 1893 года в многодетной крестьянской семье в деревне Овечкино, впоследствии вошедшей в состав города Котласа Архангельской области. После окончания церковно-приходской школы и двухклассного железнодорожного училища в Котласе (с похвальной грамотой и «высшей» премией – томиком Пушкина) в 1909 году Николай Тюкавин поступил в Тотемскую учительскую семинарию, которую окончил в 1913 году.

Два года работал заведующим и учителем в Жидовиновском земском начальном училище Шуйской волости Тотемского уезда (ныне – Междуреченский район Вологодской области). С 1915 по 1918 год учился в Петроградском учительском институте.

В июне 1918 года Николай Тюкавин вернулся в Котлас, а уже в сентябре 1918 года ему было поручено организовать в волостном центре – Удиме – высшее начальное училище. Успешно справившийся с этой задачей Н. Л. Тюкавин в 1920 году назначен директором Котласской школы второй ступени (ныне – школа № 76 г. Котласа), в которой проработал три года.

С 1923 года его трудовая деятельность связана с водным транспортом: заведующий культотделом Северо-Двинского подрайкомвода, заведующий отделом просвещения Северного бассейна, директор Вологодского речного техникума, начальник партпропаганды политотдела Северного речного пароходства, директор Великоустюгского и Казанского речных техникумов. С 1949 года работал в Москве заведующим учебной частью Всесоюзного заочного техникума речного транспорта, старшим инспектором по подготовке кадров Министерства речного флота, главным редактором издательства «Речной транспорт». Умер 23 декабря 1976 года в Москве.

Николай Тюкавин всегда живо интересовался историей края, этнографией, активно сотрудничал с музеями, был членом Тотемского отдела Вологодского общества изучения Северного края (1915–1920 гг.) [2, с. 535].

В архиве Котласского краеведческого музея хранятся 56 писем Н. Л. Тюкавина, адресованные Василию Федотовичу Ракитину, краеведу, одному из основателей Котласского краеведческого музея, черновики двух рукописей об истории города Котласа и истории Котласской школы второй ступени. Но наибольший интерес для исследователей представляют «Автобиографические записки» Н. Л. Тюкавина, в которых представлен ценнейший материал по истории и культуре края: «...Моя жизнь прошла на грани двух календарных веков, еще важнее – двух социальных эпох... Помню старый быт. В советское время имел счастье видеть и слушать великих людей, как Ленин, Калинин, Крупская, Луначарский, Маяковский, быть организатором очагов культуры для народа – школ, клуба, техникума. Об этом и хочется рассказать» [1, л. 1].

«Автобиографические записки» представляют собой рукопись объемом 258 листов машинописного текста в твёрдом переплёте. Рукопись сопровождается оглавлением, листы пронумерованы: со 2-го по 31-й номера проставлены машинописным способом, с 32-го по 258-й – рукописным. Текст напечатан на листах белой бумаги формата А4 книжной ориентации, оборот листа не использовался. На листах 66 и 256 вклеены фотографии с подписями.

«Записки» написаны литературным языком человеком, прекрасно владеющим письменной речью. В рукописи подробно описывается биография автора до момента выхода на заслуженный отдых в 1956 году. Период с 1956 до 1974 года описан всего на одном листе.

Работу над рукописью Н. Л. Тюкавин завершил 11 июня 1974 года. В письме В. Ф. Ракитину от 5 сентября 1974 года читаем: «Посылаю лучший, первый экземпляр этих заметок, т. к. считаю Котласский музей своим родным, самым близким учреждением, где кто-то меня может помнить» [3, л. 57].

Воспоминаниям об учёбе в Тотемской учительской семинарии в 1909–1913 гг. посвящены 17 листов рукописи. Эпизод, произошедший в Тотемском Спасо-Суморинском монастыре в 1919 году, описан на листах 102–103.

Следует помнить, что между событиями и их описанием в «Автобиографических записках» присутствует весьма продолжительная временная дистанция, поэтому возможны как ошибки памяти, так и искажение взгляда на некоторые события ввиду переосмысления прошлого.

При публикации текст источника приводится по машинописи с учётом рукописной правки Н. Л. Тюкавина. Правка специально не оговаривается. Авторская орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными требованиями.

«Л. 67 Стремление учиться дальше было большое, а материальные возможности ничтожны. Отец был против того, чтобы я куда-нибудь уезжал. Ждал от меня помощи, чтобы кормить семью. И так летом 1909 г., как уже писал ранее, я работал переписчиком в конторе Кыркалова. Заведующий училищем А. Ф. Лаптев убедил меня поступать в учительскую семинарию. Если выдержать при поступлении конкурсный экзамен, то можно учиться на казенной стипендии, не прося помощи от родителей. Другого выхода у меня не было, и я стал готовиться к поступлению.

Мать моему стремлению учиться сочувствовала и к концу августа из получаемых с квартирантов за постой грошей скопила три рубля, насушила короб (корзину) сухарей, и я поехал в ближайший город, где была семинария, Тотьму.

Билет на пароход через Устюг до Тотьмы стоил 1 руб. 30 коп. (расстояние около 350 километров), поэтому питаться в поездке приходилось только сухарями с водой, чтобы хватило денег на случай провала на обратную дорогу.

В то лето свирепствовала повальная болезнь – холера. Перед отъездом я видел в Котласе около «заразного» барака прямо на земле корчащихся от рвоты больных. Подходить к ним близко было запрещено. И по причине этой эпидемии приемные экзамены были на две недели отсрочены, пришлось их ждать, но хорошо, что все же экзамены я выдержал, в семинарию поступил на казенную стипендию (первый год – семь рублей в месяц).

Л. 68 VI. Учительская семинария

По утвержденному в 1872 г. Правительственному «Положению об учительских семинариях», это было специальное педагогическое учебное заведение, предназначенное готовить учителей для начальных школ. Чтобы уберечь будущего учителя от «тлетворных идей» промышленного пролетариата, эти учебные заведения открывались, как правило, в глухой провинции, в маленьких захолустных городках и даже слободах Российской империи. В то время были только мужские семинарии.

Срок обучения – четыре года. Принимались юноши, окончившие так называемые уездные училища, хотя допускались к приемным экзаменам и окончившие двухклассные училища, но последним поступать было значительно труднее, так как у них за спиной было только шесть лет обучения, а у окончивших городские – семь или восемь лет.

Любопытно отметить, что учительские семинарии были самыми бесправными учебными заведениями. Окончивший городское училище при поступлении на должность в правительственное учреждение имел право на низший классный чин табеля о рангах, а окончивший семинарию, если обучению в ней не предшествовало городское училище, этого права не имел. Средним учебным заведением учительская семинария также не считалась, и окончившие ее и желающие поступать в высшее учебное заведение, должны были предварительно сдавать экзамены за мужскую гимназию (а для этого надо было знать два иностранных языка, один древний – латинский и новый – французский или немецкий), которых в семинарии не преподавали.

Примерно из ста человек поступавших было принято 25 человек. Это была норма учеников в классе. На государственную,

Л. 69 или как тогда называли, «казенную» стипендию приняли 13 человек, остальные поступили или на земские стипендии – человек 6–7, остальные, большей частью местные жители, учились без стипендии. Их называли «своекоштными». В числе последних оказался один даже дворянского сословия, это Паша Кузьмин.

Остальной народ – преимущественно дети крестьян, несколько человек детей служащих (учителей, почтовых и медицинских работников и т. п.).

Тотьма была захолустным уездным городом Вологодской губернии, имела около пяти тысяч жителей. Лежала на реке Сухоне, железной дороги не имела. До Вологды вел почтовый тракт примерно на 250 верст. В то время в Тотьме не было еще и электрического освещения, пробавлялись керосиновыми, иногда применяя новинку того времени, т. н. керосино-калильное освещение, где под стеклянным цилиндром довольно ярко светился белый колпачок из солей церия и тория.

Телефоны были редкостью, только в учреждениях.

В наши же годы в Тотьме появился кинотеатр. Какой-то частный предприниматель, может быть свой, а может быть, купленный небольшой двухэтажный дом приспособил для этой цели, убрав двухэтажное перекрытие и превратив весь дом в зал и фойе. Дом находился недалеко от центра города, вблизи рыночной площади. Картины были, конечно, немые с прыгающими, дергающимися фигурами, что объяснялось еще той примитивной техникой, когда за секунду проходило на экране значительно меньше кадров, чем теперь. Вместо звучания картины она сопровождалась игрой на пианино на совершенно произвольный мотив, иногда, в умелых руках, передающий настроение картины.

Л. 70 Семинария находилась в центре города, в каменном двухэтажном здании. Рядом в деревянном доме – образцовое начальное училище, место педагогической практики учеников старшего класса семинарии.

К семинарии была прикреплена бесприходная церковь, где службу вел законоучитель семинарии и пел хороший смешанный хор учащихся семинарии и женской гимназии.

Воспитанники гимназии должны были посещать богослужения в обязательном порядке. В церкви они стояли рядом в одной половине, другую занимали ряды учениц женской гимназии. Директор и учителя были, конечно, тут же.

Ради возможности послушать хорошее пение эту церковь посещало довольно много горожан, главным образом интеллигенция.

Я с первого же года обучения в семинарии преподавателем пения, он же регент хора, был зачислен в состав хора. Мой детский дискант к этому времени перешел в неплохой бас.

Учащиеся, которые назывались воспитанниками, жили на частных квартирах. Интерната здесь, как и в других семинариях,

не было. Каждая квартира, где проживали воспитанники, была на учете у руководства семинарии и периодически, два-три раза в год, посещалась прикрепленным к данному району города преподавателем.

Жили воспитанники группами, от двух до пяти человек, отдавая хозяйке квартиры почти всю стипендию, за что она покупала продукты и готовила им пищу. Даже стирала белье. Размер стипендии, если в первый год был только семь рублей, то во второй и третий – девять, а на старшем курсе – десять рублей.

Л. 71 Однако, когда мы становились постарше, потребности возрастали и этих денег не хватало. На старшем курсе я уже прибавлял к стипендии несколько рублей в месяц, занимаясь частными уроками, репетиторством.

Наша семинария была одной из организованных по «Положению об учительских семинариях» в 1872 г., имела неплохие традиции в постановке учебной работы, и окончившие ее сельские учителя считались в северных губерниях весьма хорошими. Комплектовалась она молодежью из Вологодской, Архангельской и Костромской губерний (Коми АССР тогда не было, а были Усть-Сысольский и Яренский уезды Вологодской губернии).

По окончании обучения молодые учителя, как правило, разъезжались по своим губерниям. Этому способствовала, в частности, практика предоставления уездными земствами стипендий ученикам семинарии, за что они обязаны были по окончании работать учителями в своем уезде.

Перехожу к рассказу о руководителях и преподавателях. Директором семинарии был Вячеслав Евгеньевич Введенский, уже пожилой человек, довольно тучный и всегда спокойный. Это был опытный педагог, любящий свое дело и своих учеников, дорожащий честью своего учреждения, однако по убеждению явный монархист. Между прочим, его брат Николай Евгеньевич Введенский, шел той же дорогой и стал известным русским ученым физиологом-материалистом, сподвижником крупнейшего нашего физиолога-материалиста И. М. Сеченова.

Вячеслав Евгеньевич преподавал нам педагогику и методику обучения (дидактику). По иерархической лестнице он имел довольно высокий чин – действительный статский советник,

Л. 72 т. е. четвертая ступень табеля о рангах (первая – государственный канцлер, вторая – действительный тайный советник, третья – тайный советник). По военной градации это звание равно генералу.

Был он вдовцом, одиноким бездетным стариком, и своей семьей считал своих питомцев-учеников. Жил в соседнем с семинарией доме, где была и маленькая канцелярия – один письмоводитель.

Математику преподавал Леонид Николаевич Дилакторский, позднее ставший директором открытого в Тотьме реального училища. Это был сильный математик и умелый педагог.

Историю и географию – Прокопий Матвеевич Людсков, старик, по чину – статский советник, имевший в Тотьме довольно большой дом, большую семью и даже скот, в том числе и лошадь. Имел за городом собственный участок земли, обрабатываемый с помощью «казака», наемного рабочего. Прокопий Матвеевич не был большим знатоком преподаваемых дисциплин, вел дело по казенному, по учебнику, задавая уроки «от энтих до энтих», а на последних уроках перед каникулами даже вообще предметом с ним не занимались, а просили его рассказать что-нибудь из своей жизни, и он с увлечением рассказывал не только случаи, но и анекдоты. Любил в шутку гордиться тем, что он по происхождению, как и директор, тоже духовного звания – сын церковного сторожа.

Заслуживающими особого внимания были два педагога в первые два года моего обучения – Иван Петрович Смирнов, преподававший русский язык и литературу, и в последние два года – Николай Васильевич Ильинский, читавший естествознание и химию. Оба еще молодые, в возрасте примерно 30–35 лет.

Л. 73 Иван Петрович окончил духовную академию, но, как видно, академия сделала его врагом религии и церковного мракобесия. Это был высококультурный, передовой человек. Преподавал он с ярко выраженной демократической тенденцией. С увлечением вел уроки литературы, любил древнюю литературу, поэзию. Помню, как, излагая нам греческую поэзию, с подъемом цитировал наизусть Гомера: «Восстала из мрака золотая с перстами пурпурными эос» (заря). А как он любил Некрасова и особенно его поэму «Кому на Руси жить хорошо». Он участвовал в городском драматическом кружке, играл на сцене местного клуба. С этим у меня связано особое воспоминание. Получив от него «контомарку» (билет для бесплатного входа) 7 ноября 1910 г., я был в клубе на спектакле «Власть тьмы» Л. Н. Толстого. В конце, перед закрытием занавеса, Иван Петрович дрожащим голосом объявил зрителям, что получено телеграфное сообщение о постигшем страну горе – скончался Толстой. Надо было видеть, с каким чувством горести и страдания большинство зрителей приняло это известие.

Во внеурочное время Иван Петрович ознакомил нас с приемами физзарядки на каждый день, того самого комплекса упражнений, который я позднее нашел в брошюре Миллера «Моя система». В те годы физкультуры, как таковой, нигде не преподавалось.

С легкой руки Ивана Петровича я стал систематически заниматься физкультурой, делая по этой системе утреннюю зарядку и так, примерно, до тридцатых годов, после чего перешел на физзарядку по радио. И так до сих пор. Спасибо Ивану Петровичу за его инициативу: этим он многим из нас помог сохранить надолго здоровье и бодрость.

В порядке руководства домашним чтением и в целях саморазвития Иван Петрович составил и дал нам список рекомендуемой литературы.

Л. 74 ратуры, книг ярко выраженного прогрессивного характера. Помню несколько названий из этого списка, это «Капитал» Маркса, Джiovаниоли «Спартак», Баллами «Через сто лет» (утопический роман), а всего 50 названий.

Рассказывали о его столкновениях с директором, когда он бросил в лицо последнему обвинение: «Вы превратили учительскую в лакейскую».

Через два года его у нас убрали, запретив педагогическую деятельность. Главной причиной послужило то, что он у себя на квартире вел с учащимися старшего курса политический кружок.

Были разговоры о том, что он являлся членом РСДРП, но подтвердить это никто не мог.

Второй любимый преподаватель – Николай Васильевич Ильинский. Он окончил университет. Как и Смирнов, казенной, привоенной преподавателям формы одежды не носил. Ходил в штатском, имея на лацкане костюма университетский значок. С любовью преподавал естествознание, умело прививал нам материалистическое мировоззрение. Желая углубить знания в данной области давал читать свои личные книги, как «Мировые загадки» Э. Геккеля, «Этюды оптимизма» и «Этюды о природе человека» И. И. Мечникова и другие, в том же духе.

Преподавание Николай Васильевич вел с применением активных методов. С ним мы занимались опытами по физике, по химии и любили этот предмет, как никакой другой. И впоследствии, обучаясь в учительском институте, я избрал естественно-географический факультет. Как-то он провел с нами экскурсию в село Леденгское, ныне Бабушкино, километров в 30 от Тотьмы, на родину сподвижника В. И. Ленина Ивана Васильевича Бабушкина.

Экскурсия формально была естественнонаучной, но он придавал ей и общественно-политическое значение, показав труд и быт рабочих соляной варницы.

Л. 75 в этом селе. Впоследствии Николай Васильевич много работал как ученый-исследователь, изучив и написав научный труд о лугах Присухонской низменности. Получил ученую степень и стал профессором Вологодского молочного института. Его портрет и биография приведены в изданной в Вологде книге «Ученые-вологжане».

В части возможностей для домашнего чтения. Как средства саморазвития, дело обстояло плохо. В семинарии было две библиотеки – ученическая и фундаментальная. В ученической было то, что нужно воспитанникам читать в дополнение к учебной программе, а фундаментальная имела более серьезные и научно-познавательные произведения, но все же подобранные в духе воспитания покорных царскому строю слуг. Посещать городскую публичную библиотеку учащимся запрещалось. Однако, о гибели «Титаника», помню, мы прочитали в газете в публичной библиотеке, т. к. все же туда заглядывали.

Был еще у нас школьный врач Николай Иванович Пикунов, выписывающий себе журнал «Былое». Вот те из нас, кого тянуло к серьезной литературе, пользовались его любезностью, читали этот журнал.

В нем можно было найти хорошие статьи по истории России, народном освободительном движении и др. В целях самообразования многие из нас, в том числе и я, еще выписывали из столицы наиболее необходимые книги. Так, например, я выписал «Краткий энциклопедический словарь» Павленкова в одном томе, небольшого формата. Он был долгое время моей настольной книгой.

Продолжу рассказ о других преподавателях. Когда убрали у нас И. П. Смирнова, его сменил Федор Александрович Стрелков. Чиновник, формалист, прислужник директора в воспитании учащихся в монархическом духе. Прямая противоположность Смирнову. Он был женат на дочери протоиерея Шлиссельбургской крепости, застенка многих.

Л. 76 и многих революционеров. Преподавание вел по-казенному. Пытался «подлизываться» к учащимся, но мы его сразу же «раскусили». И близости к нему не было. Особенно он оттолкнул молодежь, когда из-за его формализма и придирчивости к учащимся двое из них, Феодосий Соколов и Боря Пономарев, не будучи переведенными на следующий курс, покончили с собой.

Я их застал на месте гибели в числе первых, недалеко за городом у речки Ковды, где они застрелились поочередно из одного и того же охотничьего ружья. Как самоубийство, так и похороны этих товарищей явились серьезной демонстрацией протеста против усилившегося реакционного режима в семинарии.

Как я узнал много позже, Стрелков после революции пере-красился, втерся в ряды коммунистической партии и даже был директором семинарии (педучилища).

Учителю начальной школы крайне необходимо иметь и музыкальное образование. Поэтому в нашей семинарии было неплохо поставлено преподавание как пения, так и музыки. В первый год моего пребывания в семинарии этот предмет вел Вячеслав Николаевич Любимов. Он, помимо уроков пения, руководил хором и обучал игре на скрипке. Почти все воспитанники, хотя бы минимально способные к музыке (а на это обращалось внимание при поступлении), обучались игре на скрипке. Скрипки выдавали каждому на руки, на дом. В классе проходила теория музыки, вне класса – пение и обучение игре на скрипке.

Вячеслав Николаевич был и неплохим композитором: он написал музыку для нескольких школьных песен, которые в первую очередь и разучивали.

Л. 77 Но при мне он был всего один учебный год. Уже весной 1910 г. он простудился на охоте, схватил воспаление легких, и мы его со скорбью похоронили.

Остальные три года при мне был преподавателем пения и музыки Павел Иванович Гребенщиков, окончивший Петербургскую певческую капеллу. Большой знаток своего дела, артист в душе, он с большой любовью и искусством работал в своей области. На уроках теории он давал нам даже начатки композиции: напишет на классной доске мелодию и попросит составить трех или четырехголосную музыкальную фразу, покажет достоинства и недостатки.

Много и упорно занимался с обучающимися игрой на скрипке. Увеличил количественно и улучшил качественно хор, разбив его при пении на два клироса – одним руководил сам, другой поручал наиболее способному воспитаннику. Он организовал также и духовой оркестр – первый и единственный в Тотьме. В дополнение надо сказать, что он был и еще более серьезный, чем Любимов, композитор.

Благодаря Павлу Ивановичу наши выпуски были хорошо подготовлены в музыкальном отношении, и мне лично его «наука» пригодилась и при работе в школе, и даже когда я учился в

Петрограде в учительском институте, то прирабатывал на жизнь пением в платном хоре.

На фоне тотемской семинарской жизни колоритной фигурой был наш законоучитель отец Марк. Он был земляк В.Е. Введенского, сын дьякона того же прихода, окончил духовную академию и много лет преподавал «Закон Божий» как в нашей семинарии, так и в расположенной по соседству, женской гимназии. Он не был религиозным фанатиком, больше светским

Л. 78 человеком. По внешности франт: носил весьма короткие против поповского обличья волосы, маленькую холеную бородку, и под дорогим подрясником можно было рассмотреть высокие каблуки – хотел казаться выше ростом, чем есть по природе.

При преподавании, кроме официального курса по программе, читал и рассказывал историю и географию Палестины, быт древних евреев. Из любви к деятельности он обучал группу желающих из числа воспитанников французскому языку.

После революции, как мне рассказывали, он снял священнический сан, «расстригся» и работал в ЗАГСе, был, как его называли, «советским попом».

Рисование и черчение преподавал Владимир Дмитриевич Шеин. Он же для желающих, как необязательный предмет, преподавал немецкий язык. Высокого роста, подтянутый, одетый, как говорят, с иголки, всегда ровный и спокойный – пользовался уважением.

Кстати о немецком языке. Преподавал Владимир Дмитриевич его хорошо, умело, и большинство первокурсников начинало им заниматься. Учебником была книжка Глезера и Пецольда, тоже хорошая. Но свойственное молодости легкомыслие мне, как и многим, помешало освоить всю программу этого языка, и на полдороге или даже ближе его бросали.

Но были и такие, наиболее серьезные и упорные в труде ученики, которые занимались немецким языком до полного освоения учебника.

И, в заключение, вспоминаю Николая Ивановича Альбова. Личность бесцветная и неглубокая. До Ильинского он преподавал естествознание, а с уходом Дилакторского переметнулся на математику. Но там и тут ни глубины знаний, ни яркости красок. Просто чиновник от педагогики.

Л. 79 Для усвоения практических приемов школьного преподавания учащиеся старшего курса под руководством препода-

давателей давали пробные уроки в прикрепленной к семинарии начальной, так называемой образцовой школе.

Разрабатывался конспект урока, проверялся и утверждался преподавателем, и по нему воспитанник в положенное время, в присутствии преподавателя и всех товарищей по классу, давал урок.

Потом урок коллективно обсуждался, и его качество оценивалось той или иной отметкой. Нужно было за год дать три урока – два по русскому языку (грамматике и литературному, или как называли, объяснительному чтению) и один по арифметике.

Чем же занимались воспитанники семинарии во внеурочное время? Конечно, первое, – это добросовестная подготовка задаваемых на дом уроков. Но, как говорят, не хлебом единым жив человек, надо что-то и для души, чем-то развлечься. И тут скучать не приходилось.

Ведь я, скажем, состоял и в хоре, и в духовом оркестре. В последнем я играл на альте. Так что еженедельно были и в том, и другом сыгровки, репетиции, спевки. Катались на коньках. В центре города, на площади против духовного училища был каток, куда мы и ходили кататься. Помню один интересный эпизод: зимой 1910–1911 гг., будучи на катке, наблюдали, как, впрочем, и все люди нашей планеты, на ночном зимнем небе яркую комету с отчетливо виденным хвостом в виде меча. Это была комета Галлея, которая совершала свой путь вокруг солнца с периодом обращения в 76 лет.

С разрешения начальства семинарии периодически устраивались вечера с приглашением девушек-гимназисток. Обычно вначале было концертное отделение: читались стихи такие, как

Л. 80 Надсона «Друг мой, брат мой», «Поток-богатырь» Алексея Толстого, «Белое покрывало» (автора не помню) и т.д. Пел хор, играл оркестр. После, как всегда, – танцы.

Аналогичные вечера устраивались и в женской гимназии, здание которой было через улицу, там уже мы были гостями.

В 1913 году я семинарию успешно окончил, получив звание учителя начальной школы.

Надо признать заслугой нашего руководства, что всем окончившим была организована экскурсия в Петроград, тогда еще Петербург. Впервые мы, провинциалы, увидели большие города. Поехали из Тотьмы на пароходе. Был июнь, Сухона еще не обмелела. Прибыли через сутки в Вологду, а оттуда поездом дальше. Если уж в Вологде увидели большие, вплоть до четырех этажей

дома, то Петербург, с его проспектами и дворцами, произвел непередаваемое впечатление. Остановились в здании учительского института, и целую неделю экскурсировали как по городу, так и ближайшим городам: Ораниенбауму, Петергофу, даже Кронштадту.

Л. 81 В Петрограде – дворцы, парки и фонтаны, а в Кронштадте даже разрешили нам побывать на крейсере «Слава», посмотреть вооружение и жилые помещения команды, а также в городе величественный, так называемый морской, собор и около него памятник адмиралу Макарову с надписью на его пьедестале: «Хочешь мира – готовься к войне».

В столице были в Эрмитаже, Русском музее изобразительных искусств и в театре. Эта экскурсия дала много прекрасных впечатлений и оставила глубокую память.

В заключение надо сказать, что Тотемская учительская семинария дала Родине немало славных сынов. Начну с ученых. В годы ученья в Петрограде я встречал и слушал публичную лекцию бывшего воспитанника нашей семинарии, профессора Жакова Калистрата Фалалеевича, по национальности коми, окончившего семинарию в конце XIX века. Вторым назову доктора биологических наук, заслуженного деятеля науки, профессора Кокина Авраамия Яковлевича, происходящего из крестьян Папуловской волости В-Устюжского уезда. С ним я вместе учился и в семинарии, и в учительском институте, жили вместе и дружили до конца его жизни. Умер в 1968 г. в Ленинграде. Третьим можно назвать Павла Александровича Ларичева, окончившего семинарию в 1911 г. Он является автором популярного в наше время задачника по алгебре для средних школ, выдержавшего 20 изданий. Сейчас живет в Москве Лыткин Василий Ильич, выпускник 1915 г., профессор, доктор

Л. 82 филологических наук, специалист по угро-финским языкам, он же поэт на коми-языке, под псевдонимом «Илля Вась».

Далее также коми – Маегов Афанасий Андреевич, коммунист с 1918 г., участник Гражданской войны на Севере, потом студент института Красной Профессуры, был доцентом, преподавателем философии в одном из вузов Приуралья.

Новоселов Николай Васильевич, выпускник 1914 г., был доцентом Московского педагогического института им. В. И. Ленина.

Грацианский Александр Петрович, мой однокурсник, был заведующим Московского областного отдела народного образования.

А из военных, главным образом периода Гражданской войны, есть очень яркие фигуры. Во-первых, Авксентьевский Константин Алексеевич, выпускник 1911 г., командарм, герой Гражданской

войны, близкий помощник М.В. Фрунзе по военным операциям в Средней Азии. После был начальником нескольких военных округов Красной Армии. Ему в Вологде поставлен намогильный памятник.

Далее Левичев Василий Николаевич, того же выпуска, генерал, в тридцатых годах был начальником административного управления Наркомата обороны. Авксентьевский и Левичев помещены в книге «Генералы и адмиралы вологжане».

Понеделин Павел Михайлович, выпускник 1912 г., генерал, бывший адъютант (помощник профессора) военной академии, в Великую Отечественную войну командовал дивизией.

А полковников и подполковников можно считать десятками.

Такова наша семинария. Здесь прошли юношеские годы. И сейчас, установив связь с теми, кто еще жив из нашего выпуска и близких лет, я поддерживаю живую и письменную речь с десятком товарищей.

Л. 83 Даже в 1966 г. мы, пять выпускников 1913 г., списались, встретились в Вологде на пристани и совершили поездку в Тотьму, посмотрели близкие сердцу места. Правда, ни семинарии, ни ее преемника педучилища, мы не нашли – на их месте организована детская школа-интернат. А дома все те же, а Тотьма, через 53 года почти такая же захолустная.

Л. 102 «...Окончательный разрыв с религией произошел в годы юности, в период обучения в учительской семинарии. Главным образом, под влиянием Н.В. Ильинского, как его преподавания, так и книг, которые он нам давал и рекомендовал. Пение в церковном хоре не вызывало религиозных эмоций, а лишь чувство красоты искусства, а в петроградский период и как средство приработка к стипендии и не больше. Еще приведу эпизод из своей жизни – жизни безбожника. В 1919 г., будучи в гостях в Тотьме, родине жены, я навестил своего друга по семинарии и институту Васю Ершова, жившего в деревне около Тотемского монастыря. Было известно, что так называемые мощи тотемского святого Феодосия вынуты из гробницы и лежат для всеобщего осмотра. Зашли мы с товарищем в бывший монастырь, нашли лежащие поверх гробницы, прикрытые стеклянным футляром мощи, вернее, человеческие кости с сохранившимися кое-где остатками побуревшего, высохшего тела. Внимательно посмотрели, не найдя в них никакой святости, и, так как в церкви никого кроме нас не было, а стеклянный футляр прилегал к гробнице далеко не плотно, я достал рукой и оторвал кусочек высохшего тела «угодника»

Л. 103 размером со спичечную коробочку, хранил его долгие годы, показывая иногда знакомым, а после переезда с квартиры на квартиру где-то потерял».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Котласского краеведческого музея (далее ККМ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Ед. хр. 1.
2. Белов С.П. История Тотемского отдела Вологодского общества изучения Северного края (1915–1920 гг.) // Тотьма. Краеведческий альманах. Вып. 2. 1997. С. 518–536.
3. Архив ККМ. ФП. 10. Оп. 1. Д. 1. Ед. хр. 55.

*Терюков Александр Иванович,
старший научный сотрудник Центра
Европейских исследований Музея антропологии
и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург*

ТОТЕМСКАЯ УЧИТЕЛЬСКАЯ СЕМИНАРИЯ КАК ЦЕНТР ПОДГОТОВКИ НАЦИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ КОМИ КРАЯ

Тотемская учительская семинария сыграла выдающуюся роль в формировании национальных кадров в различных сферах научной и культурной жизни Коми края. Этот процесс уже был в сфере интересов сыктывкарских исследователей. Так В.Н. Муравьев касался роли этого учебного заведения в становлении двух выдающихся филологов, специалистов по коми-языку и литературе – А.С. Сидорова и В.И. Лыткина [9, 185–189]. Но в Тотьме в разное время учились и другие выходцы из Коми края, оставившие значительный след в истории культуры и науки нашей многонациональной Родины. Это писатель и философ Каллистрат Жаков; Николай Никитин, советский педагог-математик и методист, автор школьного учебника по геометрии, выдержавший 16 изданий с 1956 по 1971 годы; коми-поэт, общественный деятель и ученый Алексей Чеусов; земский статистик Василий Попов, который вывел в люди Владимира Старовского, ставшего со временем начальником Центрального статистического управления СССР. В Тотемской учительской семинарии девять лет преподавал коми-зырянский язык священник Тотемского Богоявленского собора